

ГЕНРИХ
МАНН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ШЕСТОЙ

МОЛОДЫЕ ГОДЫ КОРОЛЯ
ГЕНРИХА IV

Перевод с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Издание осуществляется
под редакцией
Г. Н. ЗНАМЕНСКОЙ, И. В. МИРИМСКОГО
и Т. Л. МОТЫЛЕВОЙ

**МОЛОДЫЕ ГОДЫ КОРОЛЯ
ГЕНРИХА IV**

Перевод В. Стакевич

I
П И Р Е Н Е И

Происхождение

Мальчик был маленький, а горы были до неба. Взяраясь от тропки к тропке, он продирался сквозь заросли папоротника, то разогретые солнцем и благо-
вонные, то обдающие свежестью, когда он ложился в тени отдохнуть. Вздыхался утес, за ним бушевал водопад, словно свергаясь с небесной выси. Мальчик окидывал взглядом поросшие лесом горы, а глаза у него были зоркие, они различали на той вон далекой скале, меж деревьев, маленькую серну, — терялся взором в синеве глубокого, точно парящего неба, кричал, задрал голову, звонким голосом, от полноты жизни. Бегал, разувшись, по земле, всегда был в движении. Без конца вдыхал теплый легкий воздух, точно омы-
вавший все тело внутри и снаружи. Таковы были его первые труды и радости. Мальчика звали Генрих.

У него были маленькие друзья, они ходили не только босые и простоволосые, но в лохмотьях, полу-
голые. От них пахло потом, травами, дымом, как и от него; и хотя он не жил, подобно им, в хижине или пещере, но ему нравилось, что от него пахнет, как от других мальчиков. Они научили его ловить птиц и жарить их. Вместе с ними подсушивал он свой хлеб между горячими камнями, натерев его сначала чесноком. Потому что от чеснока вырастешь большой и будешь всегда здоров Другое средство—вино, они пили его когда и где удавалось. И вино было у всех в крови — у крестьянских ребят, у их родителей, у всей

страны. Мать поручила Генриха заботам одной родственницы и воспитателя, чтобы сын рос, как растут дети в народе. Впрочем, и здесь, в горах, он жил в замке; замок назывался Коаррац. Местность называлась Беарн. А горы были Пиренеи.

Говор здесь был звучный, много гласных и раскатистое «р». Когда его матери приспело время родить, она, по приказу деда, запела хорал, прося мать Божию подсобить ей: *Adjutat me a d'aqueste hore*¹. Это было местное наречие — все равно что латынь. Поэтому мальчик легко научился говорить по-латыни, но только говорить: дед запрещал ему учиться писать, да и спеху не было, ведь он еще мал.

Старик Генрих д'Альбре умирал внизу, в своем замке По, а тем временем в Коарраце молодой Генрих болтал по-латыни, взбирался на лесистые склоны, гоняясь за маленькими сернами, — их называли *isards*, — но серны все-таки оставались недоступными. И, может быть, последний хрип старика совпал с радостным криком внука, когда тот купался вместе с мальчиками и девочками в ручье пониже большого водопада, распавшегося сверкающие брызги.

Тела девочек чрезвычайно занимали его. Поглядишь, как эти существа раздеваются, ходят, говорят, смотрят, — оказывается, они устроены совсем по-другому, чем он, особенно плечи, бедра, ноги. Одной девочкой — грудь у нее уже начала развиваться — он особенно пленился и решил, что будет за нее бороться. А это, как он заметил, было необходимо: сама-то она выбрала не его — рослый парнишка постарше, с красивым глупым лицом ей больше приглянулся. Почему Генрих не стал спрашивать; может быть, этим прекрасным созданиям и не нужно никаких почему, — но он-то знал чего хочет.

И вот маленький мальчик вызвал большого на состязание, кто из них перенесет девочку через ручей. Ручей был не глубокий, но в нем встречались водовороты и гладкие камни, — ступишь на них неловко, и они выкатываются из-под ног. Соперник тут же по-

¹ Да поможет она мне в этот час.

скользнулся, девочка тоже упала бы, если бы Генрих не подхватил ее. Ему-то в этом ручье был знаком каждый камешек, и он перенес ее, напрягая все свои силы, — ведь она была претяжелая, а он всего только худенький малыш. Выйдя на берег, Генрих поцеловал девочку в губы, и она, изумленная, не сопротивлялась; он же сказал, ударив себя в грудь:

— Тебя перенес через ручей принц Беарнский.

Крестьянская девочка взглянула на его детское взволнованное лицо и расхохоталась, этот смех отозвался болью в его сердце, но не лишил отваги. Она уже подбежала к своему незадачливому поклоннику, когда Генрих крикнул: «Aut vincere aut mori!»¹ Это было одно из тех изречений, которым научил мальчика его воспитатель. Генрих сильно надеялся поразить им своих приятелей. Новое разочарование — крестьянским ребятам наплевать было и на принца и на его латынь. Победа и смерть были им одинаково неведомы. Итак, ему оставалось одно: он опять вошел в ручей и шлепнулся в воду нарочно — еще смешнее, чем перед тем его соперник. Состроил глупую рожу, захромал, как тот, стал браниться, подражая его голосу, и все так похоже, что ребята, глядя на шутника, невольно расхохотались. Даже прелестную девочку он заставил рассмеяться!

А потом тут же ушел. Хотя и было Генриху тогда всего четыре года, однако успех уже привлекал его. Сейчас он его добился, но в груди боролись противоречивые чувства. Мсть свершилась, но воспоминание осталось. Несмотря на отвагу и уверенность в себе, тоска и влечение к девочке не исчезли.

Мать позвала его домой, и вначале он только и говорил что о девочке. Тем временем умер дед, Генрих его уже никогда не увидит. Гораздо хуже то, что его девочка далеко и ее сюда не пустят.

— Пошли же за ней, мама, я хочу на ней жениться. Правда, она больше меня, да ничего, я расту.

И только новые впечатления точно ветром смели

¹ Победить или умереть! (лат.)

его прежние чувства. Причиной оказалась молодая фрейлина его матери.

В По держали маленький двор, вернее это был просто расширенный круг семьи. Старик д'Альбре был сельский государь. Свой сильно укрепленный замок он перестроил, и благодаря новым веяниям замок стал даже красив и затейлив. С балкона открывался вид на глубокий дол внизу, там ласкали взор виноград, маслины, зеленые леса, меж ними сверкали речные излучины, а дальше синели Пиренеи.

Горы тянулись как непрерывное шествие,— больше нигде таких не увидишь, леса зеленели до самого неба; и, скользя по ним, радовался глаз, особенно глаз владельца. Старик д'Альбре, сельский государь, владел склоном Пиренеев по эту сторону хребта со всеми прилегающими к нему холмами и долинами и всем, что там произрастало и множилось: плодами, скотом, людьми. Он владел самым южным уголком Западной Франции: Беарном, Альбре, Бигоррой, Наваррой, Арманьяком — старой Гасконью. Он именовался королем Наварры и был бы, вероятно, просто подданным короля Франции, обладай тот всей полнотою власти. Но королевство было расколото надвое католиками и протестантами — притом во всех своих частях и уже давно. А для провинциальных государей, подобных королю Наваррскому, это служило самым подходящим предлогом, чтобы сделаться самостоятельными и отнять у соседа вооруженной рукой все, что удастся,— хотя бы только холм с виноградником.

Да и по всей стране грабили и убивали во имя обеих враждующих вер. Люди относились к различиям этих вер с глубочайшей серьезностью; между теми, кому раньше и делить было нечего, возникала теперь смертельная вражда. Иные слова, особенно слово «обедня», имели столь великую власть, что брат брату становился чужаком,— уже не родная кровь. Почиталось естественным призывать на помощь швейцарцев и немцев: если они исповедовали истинную веру, то есть либо ходили к обедне, либо не ходили,— этого было достаточно, чтобы предпочесть их инакомысля-

щим соотечественникам и представить им право участвовать в грабежах и поджогах.

Эта религиозная воинственность всего населения была его правителям бесспорно выгодна. Разделяли они его верования или не разделяли, но, пользуясь междоусобицей и разбойничая во имя религии, они успешно расширяли свои владения или, встав во главе маленьких, незаконно созданных отрядов, вели за чужой счет жизнь, не лишенную приятности. Гражданская война стала для иных прямо-таки ремеслом, хотя для большинства жителей она была бедствием. Зато им оставалась их вера.

Старик д'Альбре был добрый католик, но без крайностей. Никогда не забывал он, что и его подданные-протестанты плодят детей, а те становятся полезными работниками, пашут землю, платят подати, приумножают богатства страны и своего господина. Поэтому он спокойно разрешал им слушать протестантские проповеди, а его солдаты охраняли пасторов не хуже, чем капелланов. Вероятно, он понимал и то, что число протестантов, называвших себя гугенотами, все возрастает, и это скорее на пользу его самостоятельности, чем во вред — ведь двор в Париже на самом деле уж чересчур католичен. Сам же он принадлежит к числу тех феодальных сеньоров, для которых главное не допускать, чтобы король Франции забрал в свои руки слишком большую власть. За последнее время они пользовались для этой цели гугенотами, ревнителями молодой новой веры, которые общались с истинным богом, хотя мягче от этого не становились.

Гугеноты были бунтовщиками и против светской власти и против духовной. Даже в Беарне мужики уже потребовали, — пусть им покажут, где это в Библии сказано про налоги. А нет, так они и платить не будут! Ну, старик умел с ними ладить, он и сам ведь был вроде них. Пошуметь они любили, но неизменно сохраняли трезвость суждений и сражались храбро, не забывая в то же время о своей выгоде.

Подобно им, старик носил баскский берет, когда не надо было надевать шлем и панцирь, и любил свой

родной край, как самого себя,— именно вот этот кусок земли, который он мог охватить взглядом и всеми своими чувствами. Когда настало время родиться его внуку Генриху, дед постарался, чтобы это произошло в замке По, и только по его требованию дочери Жанне пришлось на сносях совершить путешествие. Мало ему было и того, что она во время родовых схваток пела на местном наречии хорал «Adjutat me a d'aqueste hore», чтобы внук его был жизнерадостным и не знал уныния. Едва мальчик родился, как старик дал ему понюхать местное вино, и когда дитя качнуло головкой, признал в нем свою плоть и кровь и тут же натер ему губы чесноком.

Так, после двух внуков, которым не суждено было выжить, этот все-таки уцелел, поэтому старик завещал дочери все свои владения и свой титул. Теперь Жанна стала королевой Наваррской. Ее супруг, Антуан Бурбонский, командовал войсками французского короля, ибо состоял с ним в дальнем родстве и был его генералом. Большую часть времени он проводил в походах. Жанна страстно его любила, пока он не начал домогаться других женщин; однако она никогда не возлагала на него особых надежд, к тому же ему было суждено рано умереть. Ее притязания шли гораздо дальше того, о чем мог мечтать Антуан: ведь ее мать приходилась родной сестрой Франциску Первому — тому самому королю, которому так не повезло в сражении при Павии против Карла Пятого; однако власть французской короны внутри страны Франциск расширил и укрепил.

После смерти отца Жанна д'Альбре сделалась непомерно важною дамой, но земель Беарн, Альбре и Наварра, составлявших целое королевство, ей все-таки казалось недостаточно. У прежнего короля Франции из дома Валуа было четыре сына, поэтому побочная ветвь Бурбонов едва ли могла рассчитывать получить власть в скором будущем. Однако Жанна дерзко предрекла сыну своему Генриху самую необыкновенную судьбу, о чем позднее вспоминали с удивлением,—должно быть, она имела дар ясновидения. Но ею руководило только честолюбие, оно выковало в столь хрупкой

женщине нестигаемую волю, а ее пророчество, которое она оставила сыну как завещание, наложило печать на всю его судьбу.

Едва мальчик к ней вернулся, как Жанна прежде всего стала преподавать ему историю их дома. Она не замечала, что он все время жмется к хорошенькой фрейлине или, как в Пиренеях, босиком выбегает играть на улицу, влекомый любопытством к девочкам, этим столь загадочным для него созданиям. Но Жанна не видела действительной жизни, она жила мечтами, как это бывает у слабогрудых женщин.

Королева сидела в своих покоях, одной рукой обхватив Генриха, который охотнее резвился бы точно козленок, другой прижимая к себе его сестричку Екатерину. Жанна нежно склоняла голову с тускло пепельными волосами между головками обоих детей. Лицо у нее было тонко очерченное, узкое, бледное, брови страдальчески хмурились над темными глазами, лоб уже прорезали первые морщины и углы рта слегка опустились.

— Мы скоро поедem в Париж,— сказала она.— Наша страна должна стать обширнее. Я хочу прибавить к ней испанскую часть Наварры.

Маленький Генрих спросил:— А почему же ты не возьмешь ее себе?— И тут же поправился:— Пусть папа ее завоюет!

— Наш король дружит с королем испанским,— пояснила мать.— Он даже позволяет испанцам вторгаться к нам.

— А я не позволю! — тотчас воскликнул Генрих.— Испания — мой враг и врагом останется! Оттого что я тебя люблю,— пылко добавил он и поцеловал Жанну. А она пролила невольные слезы, они падали на ее полуобнаженную грудь, к которой, словно желая утешить мать, прижался маленький сын.

— Неужели мой отец всегда слушается только короля Франции? Ну, уж я-то ни за что не стану,— вкрадчиво заверил он мать, чувствуя, что ей эти слова приятны.

— А мне можно с вами ехать? — спросила сестричка.

— Фрейлину тоже надо взять,— решительно заявил Генрих.

— И наш папочка там с нами будет? — спросила Екатерина.

— Может быть, и будет,— пробормотала Жанна и поднялась со своего кресла с прямой спинкой, чтобы не отвечать на дальнейшие расспросы детей.

Путешествие

Несколько времени спустя королева перешла в протестантскую веру. Это было немаловажное событие, и оно отозвалось не только на ее маленькой стране, которую она по мере сил старалась сделать протестантской; оно усилило боевой дух и влияние новой религии повсюду. Но сделала это Жанна по той причине, что ее супруг Антуан и при дворе и в походах брал себе все новых любовниц. И так как он был сначала протестантом, а потом, по слабости характера, снова вернулся в лоно католической церкви, она поступила наоборот. Может быть, она переменяла веру и из подлинного благочестия, а главное, чтобы бросить вызов своему вероломному супругу, двору в Париже, всем, кто обижал ее или становился поперек дороги. Ее сын когда-нибудь станет великим, но лишь в том случае, если он поведет за собой протестантские полки,— материнское честолюбие давно ей это открыло.

Когда, наконец, наступило время отъезда в Париж, обняла Жанна своего сына и сказала:

— Мы едем, но ты не думай, будто делается это ради нашего удовольствия. Ибо мы отправляемся в город, где почти все — враги нашей веры и наши. Никогда не забывай об этом! Тебе уже семь лет, и ты вошел в разум. Помнишь ли, как однажды мы уже являлись ко двору? Ты был тогда совсем крошка и, пожалуй, забыл. А отец твой, может быть, и вспомнил бы, да слишком у него память коротка и слишком многое он порастерял из того, что было когда-то.

Жанна погрузилась в горестные думы.

Генрих потянул ее за рукав и спросил:

— А как в те времена было при дворе?

— Покойный король еще здоровствовал. Он спросил тебя, хочешь ли ты быть его сыном. Ты же указал на своего отца и говоришь: «Вот мой отец». Тогда покойный король спросил, хотел ли бы ты стать его зятем. А ты ответил: «Конечно», и с тех пор они выдают тебя за жениха королевской дочери; они на этом хотят нас поймать. Я тебе к тому говорю, чтобы ты им не очень-то верил и был начеку.

— Вот хорошо! — воскликнул Генрих. — Значит, у меня есть жена, а как ее зовут?

— Марго. Она дитя, как и ты, и еще не может ненавидеть и преследовать истинную веру. Впрочем, я не думаю, чтобы ты женился на Маргарите Валуа. Ее мать, королева, уж очень злая женщина.

Лицо матери вдруг изменилось при упоминании о королеве Франции. Мальчик испугался, и его фантазия получила как бы внезапный толчок. Он увидел ужасающую нечеловеческую морду, когтистую лапу, здоровенную клюку и спросил: — Она ведьма? Она может колдовать?

— Уж наверно, ей очень хотелось бы, — подтвердила Жанна. — Но самое гадкое не это.

— Она изрыгает огонь? Пожирает детей?

— И то и другое; но ей не всегда удается, ибо, к счастью, бог наказал ее за злобу глупостью. Смотри, сын мой, обо всем этом — ни единому человеку ни слова.

— Я обо всем буду молчать, мамочка, и буду беречься, чтобы меня не сожрали. — В ту минуту мальчик был поглощен своими видениями и не допускал, что может когда-либо позабыть и эти видения и слова своей матери.

— Главное — крепко держись истинной веры, которой я научила тебя! — сказала Жанна проникновенно и вместе с тем угрожающе; и ему опять стало страшно — еще страшнее.

Вот первое, что Генрих узнал от своей матери о

Екатерине Медичи. Затем они в самом деле пустились в путь.

Впереди, в большой старой, обтянутой кожей карете ехал воспитатель принца Ла Гошери, два пастора и несколько слуг. За каретой скакали шесть вооруженных дворян,— все протестанты,— и следовала обитая алым бархатом карета королевы, где сидела Жанна с обоими детьми и тремя придворными дамами. Замыкали поезд опять-таки вооруженные дворяне, ревнители «истинной веры».

В начале путешествия все было еще как дома,— язык, лица, местность, пища. Генрих и его сестричка Екатерина переговаривались через окно с деревенскими ребятами, то и дело бежавшими рядом с каретой. По причине июльской жары окна экипажей были закрыты. Несколько раз ночевали еще в своей стране, останавливались и в Нераке, второй резиденции. Вечером собиралось все протестантское население, пасторы говорили проповеди, народ пел псалмы. Некоторое время дорога вела через Гиеннь, когда-то Аквитанию, где главным городом был Бордо, а представителем французского короля считался Антуан Бурбон, супруг Жанны. Затем пошли чужие края.

Потянулись места, которые этому сыну Пиренеев и во сне не снились. Как странно люди были одеты! Как они говорили! Понять — понимаешь, а ответить не можешь. Летом реки здесь не пересыхали, как он привык к тому у себя в Беарне. Ни одной маслины, даже ослики попадались все реже. По вечерам королева и ее протестанты были одни среди неведомых людей и выставляли стражу: здешним католикам нельзя было доверять. Вчера пасторы начали было проповедовать, но значительно превосходящие их числом враги изгнали верующих из пустой и унылой молельни, стоявшей далеко за городом; вынуждена была поспешно бежать с детьми и королева Наваррская. Тем счастливее чувствовали себя путешественники, если где-нибудь большинство населения оказывалось их единоверцами. Тогда Жанну принимали как провозвестницу истинной религии, ее ждали, молва опережала ее приезд, все хотели поглядеть на ее де-